

шие свое разрешение в «Путешествии из Петербурга в Москву», своей последовательностью еще раз подтверждающие основную мысль о цельности и композиционном единстве книги Радищева.

6

Проблемы власти и закона являются центральными в «Путешествии». Включенные в план «Путешествия», они вводятся и разрешаются в строгой зависимости от развертывания темы в целом. Вопрос о крестьянском восстании возникает не раньше, чем будет разрешена проблема самодержавия; закон гражданского равенства общества тружеников сформулируется не раньше, чем герой убедится в истинном назначении дворянских законов охранять собственность и права угнетателей, увидит их открытую направленность против угнетенных.

Проблема закона. Первые главы показывают столкновение екатерининских законов с действительностью. Для героя в начале его путешествия закон — «священное имя», поношение которого равно кощунству, даже несмотря на несоответствие его фактам, встреченным в жизни. «Ведаешь ли, что в первевственном уложении, в сердце каждого написано? Если я кого ударю, тот и меня ударить может. — Вспомни тот день, как Петрушка пьян был и не поспел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О есть ли бы он тогда хотя пьяный опомнился, и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу! — А кто тебе дал власть над ним? — Закон. — Заков? И ты смеешь поносить сие священное имя? Несчастный... Слезы потекли из глаз моих» (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, изд. Academia, 1935, т. I, стр. 20).

Уверенный в мудрой справедливости законов, путешественник вынужден наблюдать, как в согласии с этими законами можно заставить крестьянина работать шесть дней на барщине, можно мучить и издеваться над людьми (Любань), можно оправдать преступное равнодушие к гибнущим людям (Чудово), можно на устрицах «продвигаться по службе», на основе закона можно обвинить и разорить невинного (Спасская полость), можно, опираясь на закон, на вексельное право, мошенничать (Новгород). Все эти факты обрушиваются на человека, верующего в законы, проникнутого духом «Наказа». Возникают противоречия и сомнения. История Крестьянкина обнажает подлинный смысл «законности», а крестецкий дворянин формулирует мысль, что нет такого общества, где бы «закон не полагал добродетели преткновенений в ее шествии», отчего трудно «исполнять должность человека и гражданина». В «Медном» путешественник видит уже премудрость священного закона только в надутом его слого, а в «Черной Грязи» произвол, опирающийся на закон, вызывает его восклицание: «Почто удивляться сему», ибо существующий закон, прикрытый высоким слогом, есть закон варваров-помещиков.